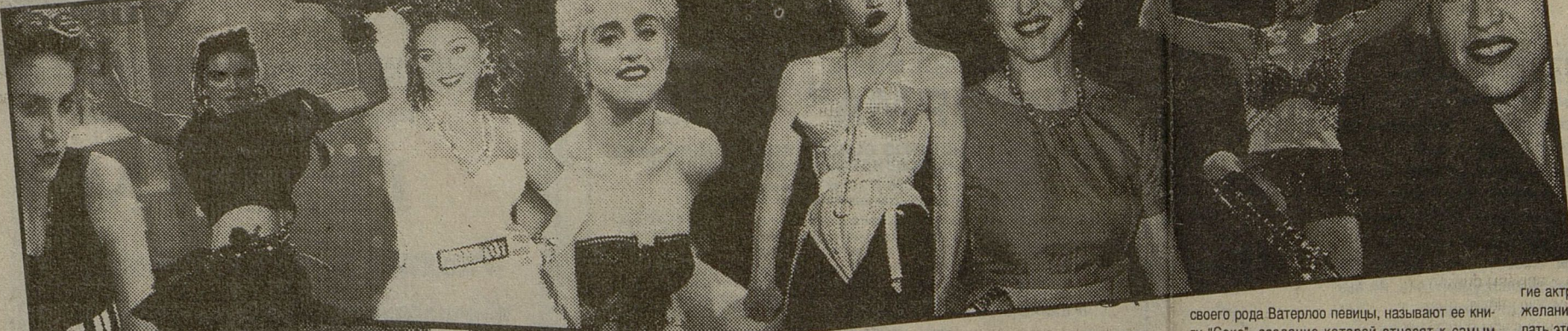

ГОРЕНИЕ

Если карьера Мадонны наконец-то завершилась, то почему о певице все еще говорят?
Роб ТАННЕНБАУМ.

На мысли о трудностях с карьерой у Мадонны навел меня один известный французский специалист в области семиотики.

Лиз Смит обратила внимание на то, что выпущенный два года назад компанией "Мэверик" альбом "Эротика" (Erotica) — лучшая запись за всю карьеру звезды — был принят хуже всех остальных ее вещей. Хотя "Эротику" отнюдь не игнорировали. Ее оплакивали, причем провал этот вызывал радость даже у тех, кто и не слышал альбома. Частные высказывания скоро перешли на уровень общественного мнения: "Мадонна выдохлась". Когда это мнение появилось и в колонках светской хроники, оно стало общим, как если бы его опубликование превратилось в реальный факт.

Однако попробуем рассмотреть вот какое любопытное противоречие. По мере того, как разговоры о "кончине" карьеры Мадонны распространились все шире, они все меньше отражали истинное положение вещей. Ибо когда кто-то умер, никто о нем больше говорить не станет. Я что-то не припомню, чтобы на коктейлях люди продолжали обсуждать покойную Синди Лаупер.

И вот, пока я пытался осознать, как соотносятся реальные, но вполне преодолимые трудности, возникшие с карьерой у Мадонны, с явно преждерменными известиями о конце этой карьеры, в одном из журналов я прочитал интервью с Жаком Деррида, в котором нашел объяснение этого противоречия. Деррида — создатель "деконструкции", — метода литературного анализа текста как нагромождения противоречий и головоломок. Те, кто не читал работ французских семиологов, вполне могут считать Деррида своего рода "Мадонной постмодернистской теории литературы". Деррида также столкнулся с ширящимися в академической среде мнением, что метод деконструкции мертв.

"Структура высказывания "это мертво" весьма любопытна, — заявил он, одновременно увертываясь от вопроса и расширяя его. — Вроде бы высказывание это описывает некий факт, однако очень часто это всего лишь форма пожелания. Вы говорите, что нечто мертво, для того, чтобы это на самом деле умерло". И это хорошо отражает то, что кое-кто желает Мадонне — им хочется похоронить ее, когда она еще бьется. Читая интервью, я заменял в нем слово "деконструкция" на имя "Мадонна".

"Многие в иных отношениях совершенно беззлобные люди по существу повинны в том, что желали (Мадонне) погубить только для того, чтобы освободиться от тяжелой необходимости понять (Мадонну). Ведь в конечном счете, этот предмет считается довольно трудным".

Деррида подтвердил мою собственную, далеко не столь известную теорию о том, что культурное здоровье в информационный век следует определять не только по объемам продажи компакт-дисков и сборов от показа фильмов, но и по газетным площадям, отданным под отзывы, а также по количеству упоминаний в "Энтертеймент Тунайт". "Если проанализировать факты — число публикаций, где упоминается (Мадонна), количество проведенных конференций, число людей, упо-

минающих о (Мадонне) только для того, чтобы сказать, что ей наступил конец, то мы придем к прямо противоположному выводу", — говорит Деррида.

Безусловно, тональность ссылок на Мадонну в культурном контексте изменилась. В течение целого ряда лет полки книжных магазинов ломились от "высокоинтеллектуальных" эссе, посвященных Мадонне и написанных такими признанными авторитетами, как Рассел Бейкер, Эндрю Грили, Камил Палья,

Сьюзи Брайт и Эндрю Росс. Названия наиболее академических "размышлений" на этот счет не могут не вызвать смех. Например, анализ видеоклипов, предпринятый "Вогом", назывался "Воплощение образов первичной памяти: кинестезия и проблематика пола и расы". С другой стороны, этой весной был опубликован справочник "Я ненавижу Мадонну" — язвительное перечисление чудовищных грехов певицы, согласно которому все, что она делает, это всего-навсего эксплуатация похоти и алчности, которые "подлевают" ей на сцене.

Отношение к ней, таким образом, изменилось: от искреннего интеллектуального любопытства оно сместилось к коллективному озлоблению. Однако именно массовая ненависть свидетельствует о том, что с карьерой певицы еще все в порядке. Ей Богу, не помню, чтоб кто-либо опубликовал справочник под названием "Я ненавижу Синди Лаупер".

Все эти выпады против Мадонны представляются мне очень логичными. С того времени, когда рокер Моррисси подал иск в суд на Мадонну за использование "организованной проституции", и до той поры, когда реакционный кинокритик Джон Саймон объяснял ее успехи чисто "деловой проницательностью и навязчивой рекламой", хихикая над "Truth or Dare" ("Правда или вызов"), широко было распространено мнение: Мадонна "создала" свою карьеру бесстыдством, умелым подходом к рынку, использованием сети MTV плюс (следует подмигивание) несколькими хорошо подобранными оральными трюками, а отнюдь не благодаря хорошей музыке. В результате люди инстинктивно верят, что можно не считать с властью Мадонны, а то и загнать ее "обратно в бутылку", отказываются признавать ее как таковую, закрывая глаза и затыкая уши всякий раз, когда она появляется в кино или что-то опять болтает о своей "шутке между ножек".

Кое-кто связывал трудности, обозначившиеся в ее карьере, с абсурдностью ее киноролей. Лично я склонен соотнести начало ее неудач с тем моментом, когда она спуталась с Ваннилой Айсом. Научное объяснение отсутствует, так что примем это.

Конечно, продажа ее компакт-дисков сократилась. Первые три альбома Мадонны, выпущенные почти четыре года, были проданы в количестве 16 миллионов штук, включая семь миллионов "Like a Virgin" ("Подобно девственнице"). Если же не считать музыки к кинофильмам и сборников хитов, за последние семь лет она сделала всего два альбома, продав только около пяти миллионов копий, включая всего-то два миллиона штук "Эротики" (Erotica). В чем же дело? Со времени выхода альбома "Подобно девственнице" "дух времени" из-

менился. Звезды сегодняшнего дня — особенно Эксел Роуз, Курт Кобейн (ныне покойный) и Эдди Веддер — столкнулись с серьезными испытаниями, став звездами, и проявили амбивалентность в схватках с публикой, что только закрепило у некоторых их поклонников убеждение, что они — настоящие герои. Вместе с тем, Мадонна вызывает ощущение, что она обладает вполне законным, если не сказать — данным свыше, правом называться звездой. Разумеется, и у Роуза, и у Веддера есть член, которого у Мадонны нет, чтобы там ни говорили. Не надо быть Джоном Боббитом (имеется в виду нашумевшее в 1993 году в США "дело Боббитов", когда жена — Лорена Боббит отрезала мужу Джону Боббиту член из-за того, что он настаивал на выполнении ею супружеских обязанностей), чтобы понять, что "война между полами" переходит из области метафоры к реальности. И кто же скорее пострадает от тяжести ответного удара со стороны культурного пространства, занятого озлобленным белым большинством, которое чувствует за собой право диктовать культурные ориентиры, как не незамужняя, сексуально-озабоченная мускулистая и гомосексуальная блондинка, которая еще и намекает на свои лесбийские приключения и подписывает 60-миллионный контракт с "Тайм Уорнер"? Она — не первая широко известная богачка с имиджем "босса" в нашей культуре, хотя только Йоко Оно и Леону Хелмсли ставили в один ряд с мощными фигурами мужчин-певцов, и, следовательно, считали, что их можно любить.

Место Мадонны-поп-дивы на самом верху узурпировано Марайей Карри и Уитни Хьюстон, певицами куда более значительными, чем Мадонна, чьи карьеры ничем особым общественности не угрожают. И это тоже соответствует духу времени, ибо тяжелые времена требуют надежных героинь: проклятие СПИДа (болезни, на борьбу с которой, кстати, Мадонна помогала собрать кучу денег), нарочитый эротизм Мадонны и ее бисексуальная ориентация ассоциируются со смертью, то есть с товаром, куда как малс подходящим для рынка. Между тем, и Хьюстон и Карри замужем, причем первая вывела своего ребенка "в люди" — прямо на награждение Американской музыкальной премией: сюжет прямо-таки предназначенный (что и было сделано!) для показа по телевидению. И хотя Карри не захотела щеголять своим мужем (частично из-за того, что он является президентом компании, производящей е звукозаписи), она все же включила кое-какие слащавые домашние сценки в специальную программу, недавно показанную по "Эн-Би-Си".

Чаще всего роковым шагом в карьере Мадонны,

своего рода Ватерлоо певицы, называют ее книгу "Секс", создание которой относят к самым серьезным маркетинговым усилиям в ее жизни. От шумихи в связи с ее выходом практически нельзя было спастись, и поэтому (может быть, и самонадеянно, но не так уж и ошибаясь) президент "Уорнер Букс" назвал книгу "критиконепроницаемой". Этот вызов, состоявший в том, что книга якобы изначально защищена от критики (хотя бы потому, что уж слишком передозировано в ней содержание рекламы), был принят критиками. Однако они безуспешно старались опровергнуть похвалу издателя. Один из критиков в "Нью-Йорк таймс" даже фыркнул, что считать этот (Боже мой!) едва связанный набор слов и картинок "книгой вообще", означает "играть на руку рекламной машине Мадонны". Таким образом, критика достигла постмодернистской межи, ибо рецензенты не желали даже проанализировать текст только потому, что уж больно лихо предлагался на рынке товар.

Книга "Секс" стала новым достижением нарциссизма. В ней Мадонна живописала, как ее садо-мазохистские обожатели, не отходявшие от нее ни на шаг, превращались в существа иррациональные, а порой и преступные из-за переполнявшего их желания обладать ею. Но ведь с самых своих первых шагов она и старалась зайти как можно дальше. Еще до того, как она стала знаменитой, Мадонна написала следующие слова для "Горения", своего второго сингла (и, что гораздо важнее, для своего первого видеоклипа):

"В отличие от всех других, готовая на все, я не такая, как они: стыдливость — не мое".

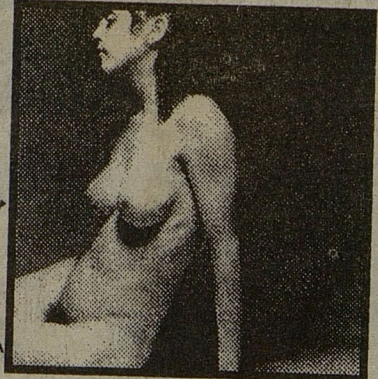
Вот это предупреждение! Потому что до того, как она смогла позволить себе брать уроки пения и научилась шевелить губами, все, что у нее было, — это жидкий, пусть и задушенный голос, сильное чутье к поп-музыке и... бесстыдство.

Однако в "Горении" Мадонна, помимо прочего, поставила и другой вопрос: "Хочешь, чтобы я стала на колени?" — и сделала это совершенно откровенно. (Дру-

гие актрисы тоже знали, как вызывать у мужчин желание, но мало кто из них отваживался сделать это столь вульгарно.) Почти десять лет спустя Мадонна призналась Керри Фишер в интервью для "Роллинг Стоунз", что оральный секс ей приятен только в том случае, если кто-то доставляет удовольствие ей, и назвала фелляцию "частью всего того унижения", которому мужчины подвергают женщин. К тому времени однако она уже утратила интерес к власти над чисто мужской аудиторией и сменила приоритеты на гомосексуальную публику и слушательниц-женщин. Так, в ретроспективе, "Горение" оказалось не просто игрой, состоящей в том, что она готова отдалиться своим фэнам; понимая, что женщина может стать объектом сексуального желания и для достижения могущества может прикинуться покоренной, чтобы прийти к власти, Мадонна заговяла постфеминизм в рамках поп-культуры, которая оказывалась неподготовленной для таких противоречий. Поэтому реакция на ее действия свелась к вопросу, который, как казалось, исчез из этого мира вместе с Эйзенхауэром: "Ведь она же сука, верно?"

Дебаты вокруг Мадонны (среди женщин — особенно) часто являются не чем иным, как разногласиями по поводу собственно феминизма. После выхода альбома "Подобно девственнице", этого самого удачного с точки зрения раскупаемости альбома за всю ее карьеру, "Тайм" проинтервьюировал несколько ярких поклонниц певицы. И одна мудрая молоденькая девица заявила: "Это самое настоящее освобождение для женщины — не бояться того, что о тебе подумают мужчины". Те, кому не нравится самодетификация Мадонны, или ее выбор мужчин, или цвета ее волос, особенно подчеркивают, что "нужно больше феминизма", нежели независимости; что торговлю сексуальностью ради достижения власти не следует квалифицировать как освобождение; и что лучше быть нравственной, нежели могущественной. Поп-певица стала центром широких культурологических разногласий, которых ранее публике не доставало. И несколько лет спустя (если толковать феномен Мадонны как "постмодернистскую литературную теорию") можно сказать, что люди устали от обсуждения довольно сложного предмета, такого, который исполнен бесконечными переживаниями смысла.

А затем мир спохватился. (Это же один из основных законов капитализма: неподражаемое сразу же имитируется.) Хотя теперь неважно, что поп-музыка существовала и до Мадонны, важно то, что когда вышел ее первый сингл, в 1982 году, тогда доминирующее положение занимала "волосатая мужская музыка": Дж. Джеймис Бэнд, Сервайвер, Форинер, Рик Спрингфилд, Джорни, Томми Тьютон и Джонни Кугар (это было до того, как мистер Мелленкам стал слишком уж крут и дорос до своего псевдонима). Возможно, мое упоминание

"святынь" все и вызовет неприязнь у чудиков, родившихся в послевоенный период беби-бума, но Мадонна изменила само звучание поп-музыки так, как никто со времени "Битлз" этого не делал. И точно так же, как "Битлз" успешно пережили таких имитаторов, как Джерри и "Писмейкерс", "Холлиз" и "Никербокеры", Мадонна благополучно управлялась с вызовом, брошенным ей Стейси Кью, Нью Шуз и Дебби Гибсон. Вот почему конец карьеры Мадонны не следует принимать всерьез — это всего лишь рекламный трюк: в индустрии, где больше рекламы, чем учета расхода-прихода, не может быть столь продолжительной карьеры, которая не поддерживалась бы хорошей музыкой.

В конечном счете стали имитировать не только ее музыку, но и ее стратегию: теперь стало почти обязательным для певиц, начиная от Джанет Джексон и кончая Синди Кроуфорд и Шеннен Догерти, появляться нагашом, что должно свидетельствовать об их силе и бесстрашии. Но что еще существеннее, так это то, что ее успех открыл дорогу другим постмодернистским фигурам. Что есть Шэрон Стоун, Хиллари Род-

хэм Клинтон, Розанна Арнольд, Мэри Гейт-скилл и Камилла Палья, как не Мадонна в кино, политике, на телевидении, в литературе и в научных кругах, соответственно? И когда Лиз Фейр — хорошенкая умная выпускница доброго старого Оберлина из предместья Чикаго — заводит фэнов альтернативного рока, распевая: "Дай мне стать для тебя королевой отсосов", сколь же многим обязана она "Горению" Мадонны!

Экзгибиционистка, прославившаяся своим бесстыдством, обнаружила, что стало гораздо труднее производить впечатление в культурном пространстве, неожиданно столкнувшись с массовым экзгибиционизмом. Она постаралась добиться еще большего экстремизма в самовыражении, переделывая свое тело с фанатичной работоспособностью. На фотографиях — этой иконографии силы — она выглядит гротескно: она просто пухнет от мощи. С выпяченными бровями и крепкими мускулами она порой смотрится как оживший персонаж с картин Франсиса Бэкона.

Это был достаточно впечатляющий способ бросить вызов представлениям о женственности, но, вместе с тем, и обреченный на то, чтобы отдалить от себя молодых подражательниц. Из-за холодноватости синглов "Эротики" имидж альбома полностью подавил его музыкальность. Садо-мазохистская образность "Секса" вызвала к жизни видеоклипы, начиная от бала гомосексуалистов в "Глубже, еще глубже" ("Deeper and deeper") и кончая убийством в "Дрянной девчонке" ("Bad Girl"). И вот, поняв, что продажа ее записей идет плохо, Мадонна оставила кривляние и сделала рокировку с помощью клипа "Дождь" ("Rain"). Как сказал режиссер в интервью одной рекламной газете, задумка, предопределившая наличие клипа внутри клипа, была призвана изменить образ певицы, поместив ее в "дзен-образное" окружение, состоящее из толпы японцев. Этот клип, признался он, "делает ее более симпатичной". Конечно, это похоже на то, как если бы Джон Уэйн снялся в фильме Трюффо. Не удивительно, что "Дождь" занял только четвертую строчку в таблицах популярности.

Итак, у нее неприятности, верно? "Битлз" поступили просто — разбегались. Потеряв пять миллионов фэнов, Мадонна может начать все сначала, подобно (ха-ха!) девственнице. Она может даже снова всплыть с какими-нибудь возмутительными штучками. Нанять, наконец, Джима Стейнмиза, который добился чудесного воскрешения Митлофа. Или симитировать набожную чувствительность Натали Мерчент с концептуальным альбомом о достоинствах повторяемости циклов. Возможно, ей следует воспользоваться услугами пластической хирургии, чтобы обезобразиться и предстать перед публикой в том "гадном виде", что так нынче популярно.

Но что бы там ни говорили о ее способности "заново себя изобрести", какие-то резкие перемены все-таки вряд ли желательны. Уменьшение аудитории было связано не с ее случайными ошибками, а, в конечном итоге, просто с ее артистическим ростом. Точно так же, как Брюс Спрингстин, который на вершине карьеры стал продавать значительно меньше записей, сменив напыщенность сольных номеров из сингла "Рожденный в США" ("Born in the USA") на малоприметный самоанализ, так и Мадонна потеряла часть аудитории, когда ее музыка стала более рискованной и менее разудалой. Она не споткнулась. И не просчиталась. Она передала свое "пригородную" и "чисто мужскую" аудиторию Хьюстон и Карри. Ее искусство стало не просто чувственным, но, если использовать странное слово из лексикона серьезных культурологических исследований, и трансгрессивным, переходящим установившиеся границы собственно пения, и на этой промежуточной стадии все трансгрессии сопровождаются не акколадами (акколада — в средние века обряд посвящения в рыцари. — Прим. перев.) или наградами, но наказаниями. Если она и в самом деле садо-мазохистка, то она, возможно, даже испытывает наслаждение от этой боли.